

ББК 83.3(2Рос=Рус)1 + 87.8
УДК 821.161.1“18” + 165.721

Т.В. Шоломова

ЭСТЕТИЗАЦИЯ НИГИЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ ЯВЛЕНИЯ

Русский нигилизм середины XIX в. представляется массовым явлением, захватившим русскую культуру в масштабах страны по меньшей мере на два десятилетия. Между тем, кроме нескольких литературных героев (Базаров, Верховенский, Кириллов) и ровно двух общественных деятелей (Д.И. Писарев и С.Г. Нечаев) причислить к конкретным нигилистам некого. В массе своей нигилизм как движение состоял из эпигонов, так что главными нигилистами следовало бы признать Ситникова и Кукишину. Нигилизм был явлением сугубо петербургским, не приживавшимся в провинции. Видимость жизнеспособности ему придали два романа – «Отцы и дети» и «Бесы», в категориях которых мы до сих пор воспринимаем и описываем русский нигилизм.

Ключевые слова:

кризис, нигилизм, нигилист, разрушение, ценности, эстетизация.

Шоломова Т.В. Эстетизация нигилизма в русской литературе XIX века: к вопросу о пространственных и временных границах явления // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 127–131.

© Шоломова Татьяна Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: tatyasholomova@yandex.ru

Актуальность темы данного исследования обусловлена неугасающим интересом к проблеме современного нигилизма. Следует отметить, что в центре внимания в последние десятилетия систематически оказывается правовой нигилизм. Поскольку проблему описывают, в основном, юристы [10; 18] и лишь изредка культурологи [14], сложно сказать, насколько социально-политический нигилизм XIX в. является предтечей современных нигилистических проявлений. Тем не менее, своему историческому предшественнику современный нигилизм обязан как минимум названием.

В данной статье обосновывается локальность русского нигилизма XIX в., его временная и пространственная ограниченность вопреки исторически укоренившемуся убеждению, что это было широчайшее молодежное движение, отразившее как кризис сознания, так и духовные запросы своей эпохи.

Русский нигилизм обычно определяют как отрицание общепринятых ценностей, идеалов и норм – моральных, эстетических, культурных, правовых, политичес-

ких, экономических и прочих. Это отрицание нашло выражение в конкретных поступках (жестах), по которым нигилиста можно было с легкостью обнаружить. Важнейшим из этих жестов оказалась смена прически, переодевание, намеренная демонстрация нарочитой грубости манер.

Русский нигилизм как явление жестко локализован во времени (я постараюсь показать, что и в пространстве). В первую очередь, это «русский нигилизм 1860-х гг.» – «своеобразное отражение идеологии и психологии эпохи кризиса крепостничества и всех его порождений в философии, морали, быту» [8, с. 40]. В этом случае нигилизм описывается как «ранний период формирования революционно-демократического лагеря». Особенности русского нигилизма (система нигилистических жестов и предполагаемая эволюция в революционно-демократическое движение) дают основания для определения его как социально-политического – в отличие от эстетического (английского и французского) и философского (немецкого) [7, с. 19–52]. Иногда нигилизм определялся как «скеп-

тическое мировоззрение, отрицающее все объективные и субъективные ценности», а также как «радикальная разночинная интеллигенция 60-х – начала 70-х годов, хотя последняя не только не отрицала, а имела очень определенные убеждения» [23, с. 167–168]. И даже существует определение нигилизма как «полемиического термина для обозначения крайностей движения 60-х годов» [22, с. 11]. Возможно, это последнее ближе всего к истине.

Никто точно не может сказать, когда русский социально-политический нигилизм перестал существовать, но дата его возникновения совершенно точно известна: публикация романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» во второй книжке «Русского вестника» за 1862 г. Притом, что главный герой романа Евгений Васильевич Базаров, студент Медико-хирургической академии, сам ни разу не называет себя нигилистом, и никто из описанных в романе нигилистов сам себя не называет так. Слово «нигилист» употребляется в романе 14 раз, причем всегда в третьем лице – не удивительно, что оно не прижилось в качестве самоназвания – таковым оказались «реалисты» (по крайней мере, по утверждению представителей враждебного лагеря) [4, с. 3], вероятно, не без влияния одноименной статьи Д.И. Писарева. Не прижилась также шутка А.И. Герцена про «сан-кринолины» по аналогии с санкюлотами [1, с. 558]. Первым слово «нигилист» в романе произносит Аркадий Кирсанов, сразу же поясняющий изумленному отцу, что это значит: «человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [16, с. 216].

После публикации романа все заметили, что «нигилисты среди нас» – все, кроме Н.Г. Чернышевского, который в крепости писал собственный роман о передовых («новых») людях, не принимая во внимание ни неряшливой одежды, ни отсутствия кринолина, ни необходимости отрицать всякий авторитет и грубить гостеприимным хозяевам за утренним чаем. Больше всего в романе идейного оппонента его заинтересовал лопух. Также Чернышевский ничего не знал про синие очки, длинноволосых юношей и стриженных девушек, то есть про реальную молодежную моду – возможно, потому, что передовую женщину Веру Павловну списал с собственной жены. Как бы то ни было, в 1862 г. все увидели новое социальное явление, молодежную субкультуру, как сказали

бы сейчас, причем увидели именно ее «тургеневский», а не «чернышевский» вариант. Так что именно увидели современники?

Если мы сейчас попробуем реконструировать т.н. «визуальный ряд» русского нигилизма, то обнаружим следующее: о том, как нигилисты выглядели, можно много прочитать, но сложно посмотреть: отсутствие кринолина, стриженные волосы у женщин и длинные у мужчин [11, с. 339], синие очки, «дабы не мрачить единый свет разума» [1, с. 558]. Эти внешние признаки дополнительно подчеркивают смену моделей поведения и социальных ролей: люди и так ходили в книжную лавку братьев Серно-Соловьевичей поглазеть на первую женщину-продавца А.Н. Энгельгардт, так она еще была в синих очках [20, с. 134]. Фотографии (по крайней мере, известные растиражированные фотографии) соответствующего периода не дают полного представления о внешнем виде нигилистов, о том, что же так шокировало ревнителей традиционных ценностей – достаточно взглянуть хоть на снимки А.П. Сусловой (стриженные волосы не так сильно бросаются в глаза, юбка остается пышной и без кринолина). Привычный нам визуальный образ нигилизма оформился позже в живописи 1870-х гг. в картинах И.Е. Репина, Н.А. Ярошенко, В.Е. Маковского и др. Но до сих пор исследования о «людях 1860-х годов» иллюстрируют картинами, написанными на 10–20 лет позже (например, книга О.М. Гончаровой [3]), и мы все искренне принимаем за образ подлинного шестидесятника образ представителя следующего поколения.

Второй важный вопрос – сколько на самом деле было нигилистов и даже – кого в действительности следовало бы так называть? От того, кто именно будет определен как нигилист, зависит ответ на вопрос о хронологических рамках явления. Потому что термин «нигилизм» употребляется в самом широком значении, и в число нигилистов включаются все, начиная от ранних теоретиков (Чернышевского и Добролюбова) и до поздних практиков, например, группы Шевырева-Ульянова (я сама когда-то написала диссертацию, в которой слово «революционер» означало «нигилиста в предельной степени» [21, с. 10]). Эта точка зрения широко распространена как в отечественной науке, так и в зарубежной [25] (как и общемировая склонность иллюстрировать явление картинами Репина и Ярошенко рубежа 1870–1880-х гг.). Тогда следует признать, что первые нигилисты вышли на историческую арену даже раньше 1859 г. – времени действия романа

«Отцы и дети». Верхней границей может быть угасание революционной практики, например, «Второе первое марта» 1887 г. То есть нигилизм – явление исключительно широкое, имеющее не только вполне определенный визуальный ряд (окончательно оформившийся, однако, не в 1860-е гг., а на десятилетие позднее), но и множество самых разнообразных проявлений, вплоть до бомбометания.

Но возможен и другой подход к проблеме. Позволю себе высказать предположение, что описанный Тургеневым нигилизм был, напротив, чрезвычайно узким явлением, и только по недоразумению сначала и по традиции потом это название стали употреблять по отношению к совершенно разным общественным движениям – от «брожения умов» (которое еще иногда описывают как «революционную ситуацию») рубежа 50–60-х гг. XIX в. – и до террористической деятельности 1870–1880-х гг.

В письме К.К. Случевскому Тургенев объяснял, почему выбрал именно такое слово: «и если он называется нигилистом, то надо читать: революционером» [17, с. 380]. Если Тургенев понимал под революционером именно того, кто готовит революционное выступление, а не употреблял слово в метафорическом смысле для обозначения деятеля, способного в определенной области самым решительным образом изменить ход вещей, то здесь возникали дополнительные основания для дезориентации современников. Потому что революционеров в обоих смыслах слова обычно очень мало, а все особенности описанного в романе явления распространяли на самые широкие круги молодежи и ожидали от этих самых широких кругов того, чего ожидать не стоило бы. И это привело как минимум к неправильному пониманию того, что такое нигилизм, и к обнаружению его там, где его в действительности не было. За нигилизм принимали отдельные, хотя и совершенно определенные жесты, т.е. поверхностные раздражительные проявления, в то время как нигилизм – это фундаментальный кризис ценностей в сознании нигилиста. Понятно, что кризис этот каким-то образом проявляет себя на практике – решили, что проявляет через смену прически или ношение синих очков, но вполне возможно, что решили ошибочно.

Д.И. Писарев чувствовал истинную природу и глубину этого кризиса прекрасно и писал про Базарова прямо, что для того не существует разницы между добрым и злым, хорошим и плохим, и он не ворует и не режет людей только потому, что ему это все не

нравится – «он не украдет носового платка также, как не станет есть тухлой говядины», то есть это дело исключительно вкуса и расчета, а не следования идеалам или принципам [12, с. 166–167]. Идеалы стираются в сознании нигилиста до полного неразличения, а такое бывает крайне редко. Как ни странно, как раз Чернышевский отличался неспособностью отличать хорошее от плохого – стоит вспомнить, как показаны в романе «Что делать?» семья и брак, когда самому автору кажется нормальным, что, если мужу притвориться мертвым, то жена сможет выйти замуж за другого, да и сам муж благополучно женится на другой, и все будут соседствовать и жить весело и дружно. Такого рода неспособность отличать одно от другого привела к известной сцене из счастливого будущего, когда резвящиеся пары по очереди покидают зал и потом возвращаются, т.е., по замечанию Набокова, к утверждению «ходячих идеалов, выработанных традицией развратных домов» [9, с. 453], воспроизведенных под видом истинно свободной любви грядущего века.

Настоящий нигилизм еще и не сводится к демонстративному поведению, к «нигилистическому» поступку, поскольку дерзкий поступок может быть попыткой проверить устойчивость ценностей, а не следствием их неразличения или безразличия к ним. Например, юный Вася Слепцов весной 1853 г. вошел в алтарь домово́й церкви Пензенского дворянского института и упал там в обморок, а объяснил это тем, что, войдя в алтарь, сказал: «Не верую», чтобы проверить, что будет дальше [24, с. 3]. Формально поступок нигилистический – человек совершает нечто недозволенное, демонстрирует пренебрежение к традиционным ценностям. А фактически, если мальчик упал от напряжения в обморок, стало быть, ожидал ответа от Бога и признавал его существование, так что какой же это нигилизм? Это совсем не то, что мышь, запущенная за разбитое стекло иконы в романе «Бесы».

А.И. Новиков в своем исследовании приводит в числе прочих классификацию раннесоветского историка Н. Рожкова, выделявшего наряду с другими «нигилистическую» революционную группу – Д.И. Писарева и С.Г. Нечаева [8, с. 42]. Больше никого и нет – Варфоломея Зайцева еще с некоторой натяжкой можно отнести к нигилистам, может быть, с еще большей натяжкой, издателя журнала «Русское слово» Г.Е. Благосветлова как главного поощрителя нигилизма (но всю славу журнала составлял один Писарев; после его ухода

все нигилистическое влияние кончилось). Подлинный нигилизм был до крайности редок, и с классификацией Рожкова лучше согласиться – Писарев и Нечаев, теоретик и практик. Всё. Все остальные нигилисты, заполнившие пространство и создающие видимость массовости – эпигоны. Синие очки так запомнились современникам потому, что в них-то и было дело, под очками был не кризис ценностей, а стремление его имитировать, и далее этих синих очков нигилизм не шел.

И тут возникает еще одна важная проблема: нигилизм как явление петербургское, не выдержавшее столкновения с инерцией провинциальной жизни. Действие «Отцов и детей» происходит в русской деревне, куда нигилизм заносится как столичное поветрие, и где он очень быстро умирает. У Аркадия нигилизм умирает в душе, Базаров умирает физически, а Кукшиной как эпитона нигилизма на самом деле еще нет, потому что в описываемом 1859 г. никто в России не знает, что явиться на бал «безо всякой кринолины и в грязных перчатках» – это нигилизм. Но неприглядная правда русской действительности такова, что, по итогам развития сюжета, главными фигурами и самыми заметными действующими лицами следующего периода, известного нам как «русский нигилизм», оказались именно Авдотья Кукшина и Виктор Ситников. Мы помним финал романа: Кукшина прекрасно процветает в Гейдельберге, Ситников нашел себя в Петербурге, где «продолжает дело Базарова» [16, с. 400–401]. Причем Кукшина и Ситников сами себя не ощущают изнутри эпигонами, они абсолютно уверены в полном соответствии своего поведения жизненной программе своего идейного лидера – они воплощают идеал. Почему никто не обратил внимания, что читавшаяся романа молодежь тоже взялась «продолжать дело Базарова» не хуже, надо полагать, Ситникова, точно также не ощущая изнутри собственного эпитонства. Непонятно, сознательно так написал Тургенев или бессознательно, но интересно, что даже такие сторонники нигилизма, как Герцен и Писарев обсуждали всерьез нежизнеспособного и вполне себе локального Базарова и не считали необходимым внимательно относиться к Кукшиной и Ситникову как единственным реальным деятелям нигилизма. А ведь именно эпигоны оказались подлинными носителями русского нигилизма; за редчайшим исключением никого, кроме эпигонов, в реальном русском нигилизме не было. И как Базаров не называл себя нигилистом, так и реальный нигилизм

продолжал существовать во внешних оценках: простой народ ругался обидным словом «нигилист» [2, с. 210], иногда производя его от слова «глист» [11, с. 337–338].

Нигилизм создали русские писатели – Тургенев его описал (отчасти, видимо, придумал) – и русский нигилизм появился. Рожденный нигилизм поддержал критик Писарев – потому что при его резком складе ума иначе как нигилистом его и не назвать. Нигилизм Писарева – теоретический нигилизм, нигилизм разрушающего слова. Но боевой призыв Писарева не вызвал к жизни реальных нигилистов. Кто еще нигилист? Герцен в полемике с Писаревым придал явлению иллюзию жизнеспособности, поскольку обсуждал его как нечто реально существующее. Писарев утонул в 1868 г., и теоретический период нигилизма закончился. Следующих «говорящих уст» он не нашел.

В 1869 г. Нечаев и нечаевцы убили студента Московской сельскохозяйственной академии Ивана Иванова – так начался период практического нигилизма, переход от слова к делу. Но и это убийство, несмотря на цинизм мотива и исполнения, осталось бы локальным явлением. Нигилизм нечаевского толка вышел за границы Москвы и даже России снова благодаря русской литературе – если бы Ф.М. Достоевский не написал роман «Бесы», провинциальная история не превратилась бы в событие вселенского масштаба. Именно под пером Достоевского нигилизм обрел недостающие ему глубину и объем, выявил и показал органически присущую ему тягу к смерти (которой отличался уже Базаров, иначе почему он не взял с собой средство дезинфекции, отправляясь препарировать тифозный труп?). У нигилизма появились разновидности – нигилизм Петра Верховенского, нигилизм Николая Ставрогина (неспособность которого отличать доброе от злого Тихон комментирует евангельскими словами: «о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, то изблюю тебя из уст моих» [6, с. 11]) и нигилизм Алексея Кириллова. Нигилизм Верховенского самый очевидный и кажется самым разрушительным, и впоследствии именно его описывали как самый опасный: Петруша стремится насладиться гибелью других и даже целого мира, старательно оберегая при этом себя самого как воспринимающий субъект. Но в действительности главный русский нигилист – это Кириллов, пренебрегающий профессиональным долгом ради идеи (на что Базаров, как известно, никогда не решался). Если Верховен-

ский умело организует разрушение вокруг себя и наслаждается открывшимся зрелищем, то Кириллов уничтожает мир вместе с собой, то есть уничтожает даже того, кто мог бы воспринять и оценить разрушения. Этому нигилизму уже все равно где реализовываться – скромные масштабы губернского города для него не помеха, а лишнее свидетельство всепобеждающей силы.

Таким образом, русский нигилизм XIX в. – явление больше литературное, чем существующее на самом деле (в реальной действительности отсутствие необходимого для подлинного нигилизма кризиса ценностей компенсировалось многочисленными намеками на него). Литера-

тура не только вызвала нигилизм к жизни, подробно охарактеризовала, сделала влиятельным, но она же способствовала и тому, что название «нигилизм» распространилось потом и на участников революционного движения (изданный в Лондоне роман С. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» [15] первоначально назывался «Карьера нигилиста» – и это была именно история русского революционера, рассказанная для представителей другой культуры с целью вызвать сочувствие). И если русский нигилизм XIX в. – явление более всего литературное, то его хронологические границы – 1862–1870 гг., от публикации «Отцов и детей» до публикации «Бесов».

Список литературы:

- [1] Герцен А.И. Былое и думы. 1852–1868. Части VI–VIII / Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. – Т. 11. – М.: Издательство академии наук СССР, 1957.
- [2] Герцен А.И. Скоты / Герцен А.И. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. – М., 1954–1964. – Т. 19.
- [3] Гончарова О.М. «Новые люди» эпохи 1860-х: идеи – тексты – социопрактики: лекции по истории русской культуры – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011/ – 139 с.
- [4] Де Пуде М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. – М.: В университетской типографии на Страстном бульваре, 1881. – 53 с.
- [5] Достоевский Ф.М. Бесы / Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т.10. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1974. – 516 с.
- [6] Достоевский Ф.М. Бесы. Глава «У Тихона». Рукописные редакции / Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т.11. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1974. – 414 с.
- [7] Краус В. Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах. Эссе / Пер. с нем. А. Карельского, Е. Кацевой и Э. Венгеровой. – М.: Радуга, 1994. – 256 с.
- [8] Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. – Л.: Лениздат, 1972. – 296 с.
- [9] Набоков В.В. Дар. / Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 т. – Т. 4. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 188–541.
- [10] Ольхова Л.Н. Трансформация модусов отрицания в русской культуре переходных эпох: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 304 с.
- [11] Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. – 445 с.
- [12] Писарев Д.И. Базаров / Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. – Т. 4. Статьи и рецензии 1862 (январь–июнь). – М.: Наука, 2001. – С. 164–201.
- [13] Писарев Д.И. Реалисты / Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. – Т. 6. Статьи 1864 (апрель–декабрь). – М.: Наука, 2003. – С. 222–353.
- [14] Сапронов П.А. Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2010 – 400 с.
- [15] Степняк-Кравчинский С.М. Андрей Кожухов. – М.: Советская Россия, 1978. – 336 с.
- [16] Тургенев И.С. Отцы и дети / Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Сочинения. – Т. 8. – М.–Л.: Наука, 1964. – С. 193–402.
- [17] Тургенев И.С. Письмо Случевскому К.К. от 14(26).04.1862 / Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28-ми т. – Письма. Т. 4. – М.–Л.: Наука, 1962. – С. 379–382.
- [18] Утарбеков Ш.Г. Преодоление правового нигилизма в Российской Федерации (вопросы конституционного регулирования): монография – Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2010 – 146 с.
- [19] Чернышевский Н.Г. Что делать? / Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. – Т. XI. Под ред. П.И. Лебедева-Полянского. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1939.
- [20] Шелгунов Н.В. Воспоминания / Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.А. Воспоминания: в 2-х т. – Т. I. – М.: Художественная литература, 1967. – 510 с.
- [21] Шоломова Т.В. Эстетика русского нигилизма (1860–1880 годы). Дисс. ... канд. филос. наук. – СПб., 1999. – 173 с.
- [22] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – т. XXI. – СПб., 1897. – С. 11.
- [23] Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А и И. Гранат и К°». Изд-е 7-е, совершенно переработанное. – М.: т-во Бр. А. и И. Гранат и К°, 1910–1948. – Т. 30. – С. 167–168.
- [24] Якушин Н.И. «Крупный, оригинальный талант» // Слепцов В.А. Проза. / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.И. Якушина. – М.: Советская Россия, 1986. – 336 с.
- [25] Hingley R. Nihilists. Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexander II (1855–1881). – London, 1967. – 128 p.